

C.3.

Чайка.

Комедия из 4 действий, Чехова.

Продолжим.

Чехов в отношении пейзажа и лиц. Пейзажины методы образности характеров и персонажей у Чехова. Замысел эстетического элемента режиссуры у Гаутиана. Скудность Чехова на режиссуру.

Чехов сразу обращает на себя внимание, лишь только его имя стало появляться на страницах толстых журналов. В хоре похвал, впрочем, слышались протестующий голоса.

Всё сомнение в одном: в лице Чехова всё признали выдающегося пейзажиста. Слишком громко, громче всяких похвал кричали о себе «Стень».

Не так единодушны были отзывы о способности молодого беллетриста рисовать людей с их волнениями, заботами и страстями.

Чехов упрекали в бездушности объективизма, в отсутствии идеалов, в вытекающей отсюда фальши.

При оценке главной героини «Чайки» Нины, нам еще придется говорить о субъективизме и объективизме Чехова.

Пока ограничимся одним.

Штрихи Чехова, так же, как и в рисунке пейзажа. Характеры у него также обрывают, скаты, краски, как вода и солнце, степь и горы.

Другой вопрос, как пользуется Чехов своим штрихом. В его манере обрисовки людей в тоном и тонизме сразу пейзажиста. Характеры различаются не в диалогах, а в описательной части рассказа. Словно в рядышечной комнате встает перед читателем вышукло и при, прежде чем успевать похвалиться или сказать слово. Прямой рукой пейзажиста Чехов передает нам его движение, лицо, тембр голоса, походку. Чехов вводит своих героев в рассказ, старательно рекомендует их. Напр. в «Дуэли», Лавский встречает Самолюшко.

Сейчас же начинается рекомендация востановки.

«Съ большой стриженой головой, белым, красным, носатым, с похатыми черными бровями и с седыми бакеннами, толстым, обрубленным, да еще в добавок с хриплым басом» — тот Самолюшко за всякого вновь прибывающего производит неприятное впечатление бурбона и хрипуна, но продолжив два, три дня молот пераго знакомства и лицо его начинало казаться необыкновенно добрым, милым и даже красивым. Но смотри на свои неуклюжести и грубоватый тон — это был человек сварный, безграмотно добрый, благожелательный и обиль-

тепный» («Дуэль» стр. 4).

Самолюшко не сказал ни одного слова, не успев повернуться, а уже стоял перед читателем «как заглавный». Штрихи, чисто Чеховские штрихи, наложены, но наложены описательно. Если теперь, раздать в отставку пробить в характер Самолюшко, что за беда? Как Минерва из головы Юпитера, он выскочил на страницах повести готовый и законченный.

В повести подобный ~~описательный~~ способ изображения характеров и персонажей вполне закончен и удобен. Вся беллетристика прибегает к нему, но у Чехова главным собою краской помещается внешне в этой описательной части.

В драме Чехов лишает возможности прибегать к своему испытанному орудию. Характеры в моменты они должны развертываться не «от себя», а из действия и диалогов.

«Du ist der Hund begraben, как говорить вину».

Чтобы оценить пробить, который приходится замолчать, не надо на одной минуте забывать, что Чехов вносит на сцену крайний реализм, что он отвергает всё фальшивое, хотя бы в освященные традиции красти сцены.

Останется реплика. Здесь Чехов мог бы похвалиться многим, что драма по самой своей форме выбирается со сцены. Он мог бы прибегнуть к своему излюбленному «пейзажному» методу. И действительно мы видим, что такой великий писатель нового направления как Гаутиан, выгнавший из драматической формы все ложное, условное, шаблонное, воспитавший свой талант преимущественно на драматической литературе, должен был внести эстетический элемент в подвид режиссерских репаров, дать членам беллетристическим картинам. Напр.

Елена выходит из двора дома: на ней серое платье, большая садовая шляпа (Vor einer halben Meile Gauteian). Она оглядывается, подходит к воротам, останавливается и смотрит назад. Потом она прогуливается по двору и заворачивает на дорожку, ведущую к трактиру. Большие пучки травы разбросаны на забор для просушки; она похалает их, проходит мимо. Она нагибается к себе также втиски фруктовых деревьев и любуется свисающими с рудыными яблоками. Когда она загибает плеча из под за ветру Лоты, она осматривает тропку, она поворачивает обратно за дверь. Замечая, что голубята еще заарта, она направляется туда через калитку сада. Она пытается срезать шпорок, вытискиваясь за что то благодаря ветру. В это время к ней подходит Лоты».

Здесь развивается совершенно самостоятельное описательное приложение, оно только прикрывается значением репарок.

В противоположность Гаутиану,

Чехов вступил и на режиссуру, его отшатки против действующих лиц по драматическому изображению отшатки драматического искусства.

Ариадна — по имени Трепашева — артистка Константин Гаврилович Трепашев — ее сын.

Петр Николаевич Серин — ее брат и пр.»

Подобные отшатки, конечно не могут дать представления о характере и личности описательную часть беллетристики.

Также скуп Чехов на репарки из изображения драматических персонажей и настроения. В IV акте Трепашев по укладу жены кончает счеты с жизнью.

Перед тем как застрелиться за кулисами он пишет свои рукописи.

Поть режиссерская репарка Чехова: «он продолжил думать, минут молча писать свои рукописи и бросить под стол, потом отпирать правую дверь и уходить».

Два минуты паузы на сцене членам избыточны. Ее нужно заполнить. Чехов добряет режиссеру и не вмешивается в его дело.

Но какой такт нужен для режиссера и артиста, чтобы запомнить паузу в унисон с общим кодированием пьесы, какая гармония между театром и автором?

Малейший диссонанс, и пьеса пропала, как бы талантливо ее не играли.

Чем же Чехов, писатель, так широко подлаженный «пейзажист» претит в беллетристике, чем он загибает в драме описание «от себя» типов и персонажей?

Насколько Чехову удается запомнить пробить?

М. М.

(Продолжит следуют).